

ЛИДЕРСТВО И ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЭПОХУ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

МАКСИМ СУЧКОВ

ОЛЬГА РЕБРО

АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ

АНДРЕЙ БАЙКОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Развитие цифровых технологий превращает существующее знание об окружающем мире в единую количественно измеримую систему и приводит к глубоким переменам во взаимодействии человека с информацией. Появление новых возможностей формирует качественно новую технологическую среду, в которой одновременно расширяется использование данных и снижаются барьеры при взаимодействии человека с ней. Мы находимся в начале трансформаций, сопоставимых по значению с распространением книгопечатания, однако человечество ещё только начинает ощущать неизбежные социальные и политические последствия нового технологического уклада. Анализируя происходящие процессы цифровизации, авторы данного исследования намечают магистральные направления влияния цифровых технологий на международные отношения и принятие внешнеполитических решений.

С точки зрения теоретического осмысления цифровизации основные школы теории международных отношений предлагают разнообразные, но пока дисперсные подходы к определению влияния новых технологий на соотношение силы международных субъектов, природу государств и их взаимоотношений в качественно новой международной среде, а также последствия трансформации восприятия этих процессов на реальную политику. При этом на фоне увеличения количественной измеримости — и как следствие рациональности — процесса познания окружающего мира теоретики в области принятия решений пока не могут найти верифицируемые способы учёта «человеческого фактора». Тщетность этих усилий подчёркивает центральный тезис настоящей статьи: при общем тренде на конвергенцию измеряемой информационной системы и индивида именно человек будет определять, каким образом использовать новые технологии. Таким образом, эффективность лидерства в международных отношениях будет определяться «качеством человеческого капитала» правящих элит.

Такие характеристики цифровой среды, как доступность информации, скорость передачи данных и устранение пространственных барьеров, с одной стороны, усиливают аналитические способности человека и как следствие качество принимаемых решений. С другой стороны, они приводят к смещению акцентов: осмысление решения уступает место поиску наиболее приемлемого

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31066.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.12.2020

Дата принятия к публикации: 21.02.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: suchkov.m@my.mgimo.ru

варианта, выявление и устранение причин кризиса — управлению информацией о нём, а качество решений измеряется не долгосрочными последствиями, но сиюминутным одобрением.

Ключевые слова:

технологии; технологический уклад; теория международных отношений; процесс принятия решений; внешнеполитические решения; внешняя политика; дилемма рациональности при принятии решений; лидерство; постправда; символизация внешней политики.

В XX в. один из центральных вопросов политики заключался в том, какая часть общественных отношений должна регулироваться государством, какая — рынком, а какая — обществом. Сегодня для обществ, достигших уровня политической зрелости, центральный вопрос формулируется иначе: в какой степени жизни граждан должны и будут управляться цифровыми системами и на каких условиях должно осуществляться такое управление. Создатели прогнозов утверждают, что уже через несколько лет технологии создадут системы с качественно новыми функциями, превосходящие человеческий интеллект [Susskind 2018]. Спустя определённое время эти системы станут совсем непохожими на привычные нам компьютеры. Они будут интегрированы в физическую материю мира, встроены в его объекты, сокрыты в самих его структурах. Постепенно различия между виртуальным и реальным, миром *online* и *offline*, сотрутся. Эти трансформации — подобно предыдущим промышленно-технологическим трансформациям — принесут как свои блага, так и новые вызовы.

Среди основных опасностей футурологи называют способность технологий задавать образ мыслей человека, воздействовать на его чувства и определять поведение. Субъекты, располагающие подобными технологиями, будут иметь влияние на четыре значимых политических концепта. Они будут обладать *властью*, понимаемой в терминах устойчивой и разносторонней способности склонять человека к действиям, которые он не стал бы совершать при других условиях. Они будут накладывать ограничения на *свободу*, задавая стандарты допустимого и запретного. Они будут определять будущее *демократии*, способствуя её развитию или эрозии. Разработанные этими субъектами алгоритмы будут опреде-

лять ключевые вопросы *социальной справедливости*, присваивая себе право на распределение социальных благ и формирование иерархий статуса и уважения [Данилин 2020: 100–116].

В международных отношениях предстоят не просто существенные трансформации. Очевидна потребность в новом осмыслении устоявшихся теорий. Сверх того: коммуникационные технологии угрожают дальнейшей деградации индивидуальных способностей к критическому мышлению и саморефлексии. Сегодня технологии часто осмысливаются как «ускорители и проводники мысли», наделяются «особой субъектностью». На деле же технологии — это не новый субъект, а новая среда. Технологии не снимают с политикоформирующих кругов ответственность за выработку ошибочной стратегии. Напротив, высококонкурентный характер этой среды должен побуждать к выработке комплексной стратегии. Феномен «информации на кончиках пальцев» в лучшем случае формирует «искателя», но вытесняет мировоззрение лидера. *Попытки заполнить вакуум лидерства ещё большим технологическим насыщением управленческих решений, в том числе во внешней политике, ведут к дальнейшей деградации стратегического мышления, навыков ведения сложных переговоров и разрешения конфликтов. Теория внешней политики накопила достаточный опыт построения моделей принятия внешнеполитических решений. Новый технологический уклад подвергнет их проверке на устойчивость. Однако непреходящие качества сильного дееспособного лидера останутся ключевым элементом любой модели вне зависимости от степени влияния на неё технологий.*

Поскольку предметом данного исследования является относительно новое и, следовательно, малоизученное явление

международной политики, выбор методов анализа обусловлен двумя задачами: инвентаризация наблюдаемых тенденций и их логико-интуитивная интерпретация с целью выявления закономерностей.

Обзор литературы в области принятия решений и подходов к теоретическому осмыслению роли технологического прогресса организован на основе интегрированного подхода. Он объединяет систематизацию научного знания в данной области с критическим осмыслением преимуществ и недостатков существующих моделей. Описание логики происходящих социально-политических трансформаций под влиянием технологий строится на основе метода неформального моделирования, что позволяет отразить циклическую природу данного процесса. Влияние технологий на формирование внешней политики анализируется через структуризацию проявлений данного влияния и сопоставление результативности действий элит разных стран в новой информационной среде. Всё это позволяет протестировать исследовательскую гипотезу данной работы.

Настоящее исследование начинается с рассмотрения подходов основных школ теорий международных отношений (ТМО) и теорий принятия внешнеполитических решений. Это позволяет поместить работу в известные теоретические рамки и выявить значимые области исследований этого вопроса каждой из школ. На следующем уровне анализируются конкретные особенности принятия внешнеполитических решений в эпоху нового технологического уклада. На основе конструктивистского подхода к исследованию международных отношений технологический прогресс представлен в виде циклического процесса, что позволяет лучше понять отличия современной практики принятия решений — и сопряжённых с ней вызовов — от прошлых лет. Наконец, в заключительной части работы приведены аргументы, в том числе с использованием конкретных кейсов, в пользу гипотезы о том, что новые технологии не стали универсальным средством решения насущных внешнеполи-

тических вопросов, в центре политико-формирующего процесса по-прежнему находится человек, а факторами, определяющими внешнеполитический успех, выступают индивидуальное лидерство, эмпатия и способность к стратегическому мышлению.

1

Влияние технологического прогресса на трансформацию международных отношений очевидно, однако научное осмысление данного процесса отстаёт от происходящих перемен. В то время как растёт количество трудов по прикладным аспектам наблюдаемых процессов (например, цифровая безопасность), они не претендуют на универсальные обобщения. При этом основные школы ТМО, обращаясь к концептуальным вопросам, в лучшем случае встраивают вопросы развития цифровых технологий в рамки используемых подходов [Eriksson, Newlove-Eriksson 2021: 2–21].

Реалисты, ещё в 1970-х годах признавшие высокую скорость технологического прогресса, требующую радикальной трансформации природы человека и кардинально новых подходов в политическом мышлении [Morgenthau 1972], не вышли за рамки рассмотрения технологии как прогресса военных технологий, а ключевую опасность усматривали в получении государствами инструментов, которые они не смогут контролировать [Scheuernab 2009: 563–584]. Появление киберпространства как новой сферы взаимодействия между государствами органично вписывается в «анархическое» мироустройство реалистов, где страны обречены на гонку (кибер)вооружений [Craig, Valeriano 2016: 141–158].

Либерализм, с его акцентом на разнообразии внешнеполитических акторов и влиянии внутривнутриполитических факторов на формирование внешней политики, заведомо более предрасположен к концептуализации происходящих перемен [Eriksson, Giacomello 2007: 13]. Такие параметры текущей трансформации, как общедоступность информации и скорость её распространения, подкрепляют основополагающие тезисы либералов и способствовали

развитию таких теорий, как «постмеждународная политика» [Rosenau 1990], «мягкая сила» [Nye 1990: 153–171; Nye 2004] и «конец истории», позже трансформировавшийся в «глобализацию демократии» [Fukuyama 1992; Fukuyama 2004]. При этом из виду упускается оборотная сторона всеобщей цифровизации – размывание международных норм и институтов, составляющих основу либерального порядка [Hurwitz, Manne 2018].

В отличие от двух названных выше направлений конструктивизм, предполагающий субъективное восприятие реальности, стремится объяснить не столько состояние мира, сколько влияние интерпретации данного состояния на формулирование целей и интересов при совершении внешнеполитических действий, которые впоследствии трансформируются в международные практики [Gilardi 2012: 123]. Отрицая технологический детерминизм реализма и либерализма, конструктивизм рассматривает технологии как материальную репрезентацию ценностей, идей и интересов общества [Wendt 1999] и предлагает инструменты для концептуализации понятий, вышедших на первый план в цифровую эпоху, таких как идентичность, секьюритизация, символизация политики. Однако конструктивисты обходят стороной ряд важных процессов, в частности таких, как гонка вооружений в киберпространстве.

Таким образом, основные школы теории международных отношений, каждая в рамках своей парадигмы, концентрируются на отдельных аспектах технологической трансформации, но стараются избегать комплексных теоретических обобщений по данной проблеме [Fristich 2014: 131]. На этом фоне примечательны пока единичные попытки наделить цифровые технологии субъектностью (*agency*) и определить в качестве «института, за который идёт политическая борьба и который создаёт среду для взаимодействия, благоприятную для одних субъектов и неблагоприятную для других» [McCarthy 2015: 72].

Изучение процесса принятия внешнеполитических решений выделяется в отдель-

ное направление теории внешней политики как субдисциплину теории международных отношений [Reus-Smit, Snidal 2008: 576–594]. При этом «изучение детерминант внешней политики без учёта этого процесса может оказаться или напрасной потерей времени, поскольку результаты не будут иметь прогностического значения, или опасным заблуждением, поскольку данный процесс пронизывает все области науки о международных отношениях, так как «представляет собой тот “фильтр”, через который совокупность воздействующих на внешнюю политику факторов “просеивается” лицом (лицами), принимающими решения» [Цыганков 2002: 267].

Попытки объяснить мотивацию лиц, принимающих решения, предпринимались в исторических трудах по дипломатии и политических биографиях на протяжении столетий. Исследовательский интерес к этому обусловлен уникальностью государственных деятелей и, следовательно, их несопоставимостью. Однако общемировой тренд по ограничению абсолютного правления, сопровождавшийся дисперсией власти между политическими институтами, создал запрос на систематизацию научного знания в данной области. В 1887 г. Вудро Вильсон, сетуя на отсутствие серьёзных работ в сфере государственного администрирования, призвал выйти за рамки изучения персоналий и не только рассмотреть процессы управления внутри США, но и изучить опыт иностранных правительств с целью заимствования лучших практик [Wilson 1887: 197–222].

Тем не менее процесс принятия решений ещё долгое время оставался преимущественно внутриполитической дисциплиной. В международных отношениях интерес к данной проблеме возник после Второй мировой войны, когда появление возможности нанесения удара из любой точки планеты привело к тому, что изучение логики принятия решений иностранными правительствами, а также распределения контроля над выработкой внешней политики стало восприниматься в каче-

стве вопроса национальной безопасности [Истомин 2018]. Уже в первых трудах, посвящённых изучению последствий появления атомного оружия для мировой политической системы, предпринимались попытки просчитать сценарии принятия решений в условиях ядерного противостояния [Brodie 1946].

Качественное изменение подхода к изучению процесса принятия решений произошло в середине 1950-х годов. Бросая вызов традиционным подходам, представлявшим государство как некое метафизическое понятие («бильярдный шар» у реалистов и «агрегатор социальных предпочтений» у либералов), бихевиористы обратили внимание на то, что «решение государства» фактически представляет собой решение конкретных лиц, управляющих политическими процессами. Монография «Принятие внешнеполитических решений», впервые опубликованная в 1954 г. и впоследствии неоднократно переизданная, сегодня считается фундаментальным трудом, создавшим субдисциплину «теория внешней политики» и задавшим основные направления развития научной мысли [Snyder et al. 2002: 1–20].

Центральное место в ней занимает исследование проблемы рациональности поведения лица, принимающего решения. *Модель рационального выбора* [von Neumann, Morgenstern 1944], предполагающая максимизацию выгоды при минимизации издержек, в 1950-х годах проникла в исследования международных отношений [Kaplan 1957; Schelling 1960]. Рациональные модели подразумевают, что индивид на базе имеющейся информации принимает решение, в наибольшей степени соответствующее достижению поставленной цели [Robinson, Snyder 1965: 437]. При этом он не испытывает ответной психологической реакции (стыда, жалости и пр.) либо она отбрасывается как незначимая. Критикуя данный взгляд за превращение субъекта в «чёрный ящик» (аналогичный аргумент используется в критике реалистов), сторонники моделей иррационального принятия решений указывают, что

реакция субъекта может зависеть от нелогичных, то есть не имеющих прямого отношения к событию и не осознаваемых субъектом, влияний [Verba 1961: 94–95].

Эта гипотеза побудила к поиску факторов, влияющих на принятие решения. Появившаяся в 1966 г. *модель Розенау* учла аргументы «нерационалистов»: помимо структурных параметров (события, отношения с другими странами, особенности международной системы), модель включала в себя такие переменные, как характер и организационная функция лица, принимающего решения, общественное мнение по данному вопросу и наличие заинтересованных групп [Rosenau 1966: 115–169]. Важнейшим достижением Розенау стало предположение о том, что вес каждого фактора не константен и имеет различное влияние на итоговый результат в разных странах. Этот вывод способствовал развитию школы компаративистики в теории международных отношений.

Прогресс вычислительных технологий, позволяющих создать сложные модели для учёта множества факторов, в начале 1980-х годов вновь пробудил интерес к использованию рациональных подходов в исследуемой тематике [Zagare 1990: 197–201]. Принцип «*ожидаемой полезности*» [Wittman 1979: 743–763; Bueno de Mesquita 1980: 917–931], опирающийся на анализ больших объёмов данных, предлагал стройную и верифицируемую модель процесса принятия решений [Stein, Welch 1997: 52]. В позднейших моделях учитываются «нерациональные» факторы, например мировоззрение [Kim, Bueno de Mesquita 1995: 51–65], неверное толкование фактов [Fearon 1995: 379–414] или общественное мнение [Mintz, DeRouen 2010].

Допущения, принятые в моделях рационального поведения, создали задел для полемики с ними и для поиска причин возможной девиации от оптимального рационального поведения.

Одну из самых ранних альтернатив рациональному подходу предложил Герберт Саймон [Simon 1957]. В основе его модели *ограниченной рациональности* (или *кибер-*

нетическая модель) лежит тезис об ограниченности когнитивных способностей индивида в определении всех возможных альтернатив и адекватном учёте последствий принимаемого решения. Саймон ввёл понятие *минимальной достаточности* (satisficing), означающее, что лицо, принимающее решение, вместо просчёта всех возможных вариантов ограничивается первой приемлемой альтернативой, а вместо анализа всей доступной информации выбирает ту её часть, которую считает достаточной для принятия данного решения [Monroe, Kristen 1991: 75–89; Zey 1992].

Такой принцип «продирания» через череду рутинных проблем [Lindblom 1959: 79–88; Steinbruner 1974/2002] ставит перед необходимостью учитывать ещё один фактор — *взаимовлияние принятых решений*. Так, решение, оптимальное в данной ситуации, может иметь негативные последствия для решения следующей проблемы. Наиболее существенной попыткой создания верифицируемой модели в рамках данного подхода стало исследование Острома и Джоба [Ostrom, Job 1986]. Указывая на тот факт, что президент США выступает в трёх ипостасях (главнокомандующий, глава административного аппарата и политический деятель), эти авторы доказали, что в период с 1949 по 1976 год при решении вопроса об использовании вооружённой силы президенты учитывали все три уровня, но в первую очередь — внутриполитический.

Продолжая тезис об ограниченности когнитивных функций человека, сторонники *организационной модели* полагают, что подход к решению внешнеполитической проблемы обусловлен функцией лица, принимающего решение, в рамках организационной структуры государства [Cyert, March 1963; March, Simon 1958]. В этом плане решение проблемы не может включать использование процедур или ресурсов, которыми данная организация не обладает. В своём анализе Карибского кризиса 1962 г. известный американский теоретик в области принятия решений

Грэм Аллисон [Allison 1969: 689–718, Allison 1971] пришёл к выводу, что блокада Кубы (например, вместо точечного ракетного удара) была единственным вариантом решения проблемы, поскольку государственный аппарат США располагал наработанным механизмом его реализации.

В дальнейшем данная модель уступила место смежной модели *бюрократического поведения* [Welch 1992]. Берущий истоки в исследованиях роли бюрократии во внешней политике [Huntington 1960: 285–299; Hilsman 1967], данный подход предполагает, что внешняя политика есть результат деятельности коллектива индивидов, где каждый участник действует в интересах бюрократической структуры, которую он представляет [Allison 1971; Feldman 1989]. Практическая ценность данной модели сказалась при изучении процесса принятия решений в рамках военно-промышленного комплекса США [Halperin 1974]. Многие исследователи справедливо указывают [Maoz 1990; Christensen, Redd 2004: 69–90], что эта модель фактически переносит принцип рациональности на групповое принятие решений. К тому же она не учитывает иерархии внутри коллектива [Bendor, Hammond 1992: 301–322].

Если создатели модели *ограниченной рациональности* ввели в процесс обработки информации «человеческий фактор», то сторонники модели перспективы указали, что субъективный характер носит и оценка потенциальной полезности. Впервые сформулированная в работе Канемана и Тверски [Kahneman, Tversky 1979: 263–291], эта модель отталкивается от теории *субъективной ожидаемой полезности* [Savage 1954] и предполагает, что индивид при принятии решения склонен оценивать не суммарно полученную выгоду, но разницу отклонения от точки отсчёта. При этом прогрессия неравномерна (разница между 5 и 10 долларами кажется более весомой, чем между 105 и 110 долларами) и неодинакова для проигрыша и выигрыша (потеряв 5 долларов, человек расстроится больше, чем обрадуется от приобретения

5 долларов). Поэтому лица, принимающие решения, предпочитают более рискованную стратегию для возвращения потерь и будут избегать рисков при сохранении полученных прибылей. Данный тезис впоследствии часто использовался при объяснении поведения субъектов в условиях международных кризисов [Farham 1992: 205–235; McDermott 1992: 237–263; Whyte, Levi 1994: 243–260; Berejikian 2002]. Нелинейность распределения полученной выгоды означает, что ключевое значение в модели *перспективы* придаётся точке отсчёта, определение которой в динамичной ситуации затруднено [Levy 1992: 171–186; Levy 1997: 33–50; Mintz, Redd 2003: 135, 193–213]. Например, после серии приобретений субъект может рассматривать последующую неудачу как проигрыш, а не как упущенную прибыль, и предпочтёт более рискованную стратегию [Kahneman et al. 1991: 193–206].

Попытка совместить рациональные и когнитивистские подходы нашла отражение в *полизергистической теории*, предложившей разделить процесс принятия решений на два этапа. На первом этапе с помощью методов когнитивного анализа происходит выбор наиболее релевантных альтернатив. На втором этапе из них выбирается более предпочтительная опция на основе рационального принципа *максимизации прибыли* [Mintz, Geva 1997: 81–101; Mintz et al. 1997: 553–566; Payne et al. 1993]. Первоначальное когнитивное упрощение (*cognitive shortcut*) помогает сократить объём анализируемой информации, что впоследствии позволяет человеку более успешно справиться с оценкой эффективности существующих альтернатив. Данная модель широко применяется в различных направлениях внешнеполитических исследований: кризисное регулирование [Mintz 1993; DeRouen and Sprecher 2004: 56–68; Brulé and Mintz 2006: 157–172], ведение международных переговоров [Astorino-Courtois Trusty 2000: 359–77], влияние советников на принятие внешнеполитических решений [Redd 2002: 335–364; Redd 2005: 129–150; Mintz 2005: 223–38] и реко-

мендуется в качестве практического алгоритма действий для лиц, принимающих решения, и политических аналитиков.

2

На современном уровне развития технологий цифровая среда перемещает фокус человеческого сознания с «концептуального» на «актуальное»: «консенсус» становится важнее «самоанализа». Патриарх американской политики Г. Киссинджер точно сформулировал характер этого тренда: «Знание истории и географии стали уже не важны для тех, кто может найти любую информацию кликом компьютерной мыши. Необходимость идти собственным политическим путём больше не очевидна для тех, кому важнее одобрение тысяч, или всего сотен, друзей на “Фейсбуке”». Сами предпосылки изменились: на каждый вопрос легко найти ответ, решения больше не нужно продумывать, их можно загуглить. Но в отношениях между государствами — как и во многих других сферах — для того, чтобы информация была действительно полезной, чтобы она могла стать настоящим знанием, её нужно помещать в конкретный исторический контекст, в контекст определённого опыта» [Kissinger 2014: 349–350].

Рассуждение Киссинджера обнажает, как минимум, две проблемы подхода к анализу мировых процессов и принятия решений с позиций «технологического хайпа». Первая проблема — это формирование эффекта «информационного гетто». Компьютерные технологии действительно помогают с накоплением и обработкой информации. Сегодня данные практически неограниченного объёма можно сохранять и за секунды получать к ним доступ, что было недоступно в «книжный век». Если приходится иметь дело с каким-то одним, оторванным от контекста вопросом, то компьютерные системы дают ранее не доступные человечеству инструменты. Однако этот феномен задаёт поведение субъектов через сужение обрабатываемой информации и коридора продумываемых решений. Поскольку информация так легко доступна, а процесс коммуникации «мгно-

венен» (здесь и сейчас), происходит снижение внимания к их значимости, эрозия способности отделить главное от второстепенного. Эта динамика вынуждает политикоформирующие круги ждать, когда проблема придёт к ним «на стол», вместо того чтобы предвидеть и своевременно купировать её. В итоге решение проблемы видится чередой изолированных друг от друга событий, а не частью исторического континуума. Другими словами, рефлексия как главный инструмент политики уступает место манипуляции информацией как банальному способу сохранения популярности среди электората. Говорить о качественном процессе принятия решений в таком случае не приходится.

Ситуация, при которой избыток информации сужает кругозор политика, приводит к тому, что зачастую «за деревьями не видно леса». Таким образом актуализуется вторая смежная проблема: кризис лидерства и зрелых решений, компенсировать который технологии не могут.

На основе конструктивистского подхода к описанию формирования международных отношений технологический прогресс можно представить в качестве циклического процесса.

Первый и в общественном восприятии, пожалуй, главный элемент — эволюция технологий. Однако при всей своей значимости технологии способны производить перемены лишь в процессе взаимодействия человека с ними. Появление и внедрение технологий в процесс принятия политических решений способствует развитию соответствующих способностей и возможностей, что, в свою очередь, приводит к появлению новых процедур для реализации этих возможностей [Drezner 2019]. Наконец, имплементация конкретной процедуры постепенно создаёт новую ситуацию, в которой формируется определённое восприятие новых угроз — это финальный элемент в спирально-циклической модели развития технологий. Едва этот вызов становится осязаемым, как уже появляется запрос на технологию, призванную на него ответить.

Иллюстрацию к работе этой схемы даёт изобретение Интернета (1980–1990-е годы), которое в конечном итоге привело к коренной перестройке мира. Если ранее обмен большими объёмами данных между вычислительными машинами происходил посредством внешних носителей, то Интернет не просто увеличил допустимые объёмы, но и позволил передавать их мгновенно. Устранение временного и пространственного параметров в акте коммуникации, издревле используемых в философии и социальных науках для определения понятия «реальность», с одной стороны, «сблизило» людей, с другой — обособило тех, кому данная технология была недоступна. Создание в 1993 г. концепции WWW позволило подключить к одной сети неограниченное количество пользователей, превратив Интернет из инструмента для оптимизации работы (сначала военных, а с конца 1980-х годов, когда было разрешено коммерческое использование, и компаний) в технологию для широких масс, что позволило говорить о трансформации социального устройства [Surratt 2017: 17–20] и государств как политической формы организации общества.

Таким образом, порождённая новой технологией и возможностями практика «виртуального» социального взаимодействия поставила перед государственными деятелями новые вызовы, оперативная среда которых расширилась на новое — цифровое — пространство. Необходимость выполнения в этих условиях государственных функций создала запрос на совершенствование технологий. Для обеспечения безопасности создаются кибервойска, для взаимодействия с населением — «электронное правительство», внутри бюрократических структур — «электронные кабинеты», для оперативной обработки данных — технологии компьютерного моделирования международных отношений [Дегтерёв 2011: 53–66].

При всей значимости технологий нововведения в практике принятия государственных решений не сводятся к внедрению новых инструментов их реализации и

анализа данных, хотя во многом могут быть ими инспирированы. *Источником разработки новых процедур на операционно-тактическом уровне могут выступать новые идеи, которые генерируют отдельные люди с ментальностью лидеров.*

Показателен в этом отношении вопрос информационного сопровождения дипломатической деятельности. Во времена «холодной войны» информационная пропаганда представляла собой отдельное направление внешнеполитической деятельности, реализуемое посредством создания в зарубежных странах источников информации, не контролируемых местными правительствами. К настоящему времени информационная поддержка не только приобрела новые формы, но и выступает неотъемлемым компонентом эффективной внешней политики [Мельникова 2015: 93–100]. Подобная эволюция стала следствием не столько некоего технологического прорыва, сколько смены идеологической парадигмы, переоценкой пространственно-временных рамок оперативной среды дипломата. Его аудитория теперь расширилась до масштабов планеты, время для донесения позиции в острых ситуациях сжалось до часов, а формирование благоприятной информационной среды превратилось в рутинную задачу. *Качество такой политики также обусловлено уровнем индивидуального мастерства конкретных исполнителей.*

Сложность принятия внешнеполитических решений заключается в том, что траектория развития этого будущего не линейна. Более того, сами технологические, процедурные и прочие изменения не универсальны. Не все государственные и негосударственные субъекты трансформируются в этой сфере с одинаковой скоростью и на всех уровнях. Учитывая неравномерность распределения ресурсов и уникальность восприятия угроз, каждый актор развивает собственную модель поведения. В свою очередь, конвергенция этих различных путей создаёт «кластеры сред по типу угроз» (threat environments), которые определяют приоритеты в этой

области [Hoijtink, Leese 2019]. Главная сложность визуализации будущего заключается в способности распутать этот клубок моделей развития технологий и вызовов и адекватно оценить существующие между ними взаимосвязи. *Как и на других уровнях, подобная задача не может быть решена технологическим путём, но требует зрелых решений от самодостаточных лидеров.*

З

По мере того как задачи, прежде выполнявшиеся с использованием бумаги, — чтение, образование, промышленные и научные исследования, ведение бухгалтерии, работа разведки — сегодня проходят «компьютерный» фильтр, человеческая деятельность «цифровизируется» и становится частью единой количественно измеримой системы [Kissinger 2014: 342].

С точки зрения взаимодействия политикоформирующих кругов с данной системой можно выделить три функции современных технологий:

- аналитическая: позволяет собирать и обрабатывать большие объёмы данных, а также автоматизировать повторяющиеся задачи;

- прогностическая: совершенствование алгоритмов сопоставления данных, позволяющих точнее предсказывать последствия решений;

- операционная: создание физических инструментов взаимодействия между «цифровым пространством» и реальностью [Cummings et al. 2018: 2–5].

Компьютерное моделирование международных отношений — это неотъемлемая часть современного процесса принятия решений. В зависимости от задач данных систем можно выделить модели антикризисного реагирования и системы анализа и прогнозирования. По объекту моделирования системы можно разделить на модели международных конфликтов; модели, имитирующие процесс принятия решений в кризисных ситуациях; модели баланса сил и мирового развития [Дегтерёв 2011: 53–66]. Однако при увеличении скорости и точности алгоритмизация процесса при-

нения решений имеет и негативные последствия.

Во-первых, возложение ответственности за принятие решения на «искусственный интеллект» сопровождается этическими дилеммами [Preliminary Study 2019: 13–14]. Автоматизированные системы опираются на выявление статистических закономерностей и категоризацию и, с одной стороны, склонны отдавать приоритет доминирующему тренду, с другой — создают иллюзию рациональности решений, которые были бы морально неприемлемы. *Во-вторых*, превосходство аналитических способностей компьютерных технологий неизбежно повышает доверие человека к полученному таким образом результату. Отсутствие желания «перепроверить» увеличивает шанс ошибки, которая может произойти случайно или в результате внешнего вмешательства.

Большинство государств, которые полагаются на технологические решения актуальных проблем, обращают внимание как раз на эти аспекты технологий как главный вызов принятия решений, в том числе в сфере внешней политики. Однако настоящий вызов, как представляется, находится в иной плоскости — в качестве «человеческого материала».

Новое технологическое пространство имеет иные временные характеристики. Если ранее от начала кризиса до необходимости ответа на него проходили месяцы, то сегодня информация о событиях разносится по миру за несколько секунд и формирует запрос на оперативное получение официальной реакции. Лидеры за несколько часов должны отреагировать на происходящее и принять решения, последствия которых также быстро распространяются по всему миру. Канеман выделял два типа формирования мысли: «быстрый» (интуитивный, автоматический, эмоциональный, подсознательный) и «медленный» (логический, сознательный, требующий усилий) [Kahneman 2011]. Влияние современных технологий на этот аспект лидеров можно оценить как повышение эффективности «медленного» мышления и снижение каче-

ства «быстрого». Генри Киссинджер сформулировал эту дилемму ещё ярче: «доступность информации обогащает мировоззрение учёного, но сокращает кругозор политического лидера» [Kissinger 2014: 351–352]. Поскольку принятие «быстрых» решений опирается на «багаж» имеющихся знаний и практик, уменьшение этого «багажа» ведёт к «сужению перспективы» при принятии решений, что, в свою очередь, сокращает интуитивную способность предчувствия событий и установления логических связей.

Темп событий действительно участился, требования к скорости реакции на них стали выше, информации и её адресатов стало больше, контролировать своё положение в этом потоке становится труднее. В таких условиях стратегическое мышление лидеров всё чаще уступает место «быстрым и ленивым решениям» — точечные гуманитарные интервенции, дипломатическая изоляция, санкции, при принятии которых не нужно ни с кем консультироваться. Политические решения становятся всё более реакционными, оценка события уступает место манипуляции информацией о нём. Вербовка террористами своих сторонников через Интернет — действительно серьёзный вызов безопасности. Однако он обостряется технологией, а не порождается ей: сама проблема по-прежнему требует от лидеров решения социальных вопросов, выстраивания миграционной политики, налаживания межконфессионального диалога и работы с истоками терроризма. Объяснять отсутствие собственных решений «влиянием Интернета» становится всё менее убедительно.

Популярная в последнее время концепция «постправды» [D’Acone 2017; Lewandowsky et al. 2017: 353–369; McIntire 2018] также во многом продукт этого «технохайпа». Современные реалии радикально отличаются от изначального идеалистического восприятия влияния цифровых технологий, в котором всеобщая доступность информации должна способствовать унификации подходов к оценке ситуации и, в частности, разрешению конфликтов,

поскольку все стороны будут обладать полным и одинаковым объёмом данных. Вместо этого цифровые технологии стали рупором для прежде маргинальных взглядов, в результате чего вместо одной верифицируемой и объективной «правды» мир получил множество субъективных «правд». За отсутствием физических барьеров в цифровом пространстве, эти «правды» конфликтуют между собой, причём победитель определяется не качеством обоснованности, но «громкостью» заявленных аргументов.

Традиционный приём по увеличению «громкости» состоит в использовании символов — упрощённых эмоциональных нарративов, облечённых в доступную для восприятия форму и апеллирующих к принятым социальным нормам [Carmines and Stimson 1980: 78–91; Cobb and Kuklinski 1997: 88–121; Edelman 1971]. Характерные для внутренней политики, где борьба за доминирование в информационном пространстве выступает неотъемлемым компонентом политической системы, символы распространились и на сферу международных отношений, где до сих пор ценились технократический профессионализм, точность формулировок и рутинность процедур. Такая символизация внешнеполитического мышления влияет на восприятие реальности и, следовательно, на принимаемые решения.

Показательным примером стала «война с терроризмом», объявленная администрацией Дж. Буша-мл. в ответ на теракты 11 сентября 2001 года. С одной стороны, решение объявить «войну терроризму» лишено рационального наполнения: тотальность «войны» не соответствовала масштабам угрозы, да и «терроризм», будучи тактикой, а не конкретным объектом, размывал представление о «враге». С другой — оно было ёмкой оболочкой для общественных настроений (страх), в целом консенсусного восприятия элитами характера угрозы и использования военных методов борьбы (терроризм и поддерживающие его государства) и материальных характеристик (ресурсное доминирование

США). Таким образом, принятое решение не только стало предпочтительным на тот момент времени, но сама политика оказалась весьма устойчивой, вопреки свидетельствам о её несостоятельности фактам [Solomon 2015].

Современный внешнеполитический дискурс наводнён такого рода символами: «российская угроза», «химические атаки в Сирии», «арабская весна», «цветные революции», «новая холодная война». Апелляция к подобным символам позволяет донести практически любой аудитории сложную концепцию, построенную на аналогии, и смоделировать эмоциональное отношение к описываемым процессам. Одновременно она ведёт к упрощению гетерогенных ситуаций и подразумевает одинаковый алгоритм ответа на них. Ситуация осложняется тем, что у руля ведущих западных государств мира находятся политики, которые с окончанием постбиполярной эпохи фактически отказались от стратегического мышления в угоду популизму. Сформированные в сытую эпоху информационного бума, эти политики в условиях новой турбулентной среды всё меньше готовы брать ответственность за свои слова и поступки, склонны к эпатажным заявлениям, но не способны к взаимодействию с трудными оппонентами.

На этом фоне отношения России и Турции представляются исключением и одновременно образцом лидерства в принятии решений в новую технологическую эру. Две амбициозные державы, ведомые самостоятельными лидерами, — исторические соперники, взаимодействие которых отмечено множеством войн друг с другом. Современные отношения имеют много недоброжелателей, но и сами развиваются не без сложностей как в физическом, так и в информационном пространстве: ведутся пропагандистские кампании, имеют место информационное противодействие, провокации, использование частных военных компаний и военно-технологическая конкуренция. Однако преодолев стресс-тест 2015 года, когда турецкие ВВС сбили в небе над Сирией российский истребитель, две

страны сумели выработать действенный *modus operandi*, по сей день способствующий взаимовыгодному продвижению интересов обеих сторон. Всё это стало возможным благодаря искусству классической дипломатии и личному взаимодействию руководителей двух стран. Президенты Путин и Эрдоган воплощают в себе неприятные для Запада изменения в международном порядке, произошедшие после «холодной войны»; оба политика своевременно осознали, что в эпоху девестернизации международной политической системы Россия может стать для Турции ресурсом укрепления собственного стратегического суверенитета, а Турция для России — источником наращивания международного авторитета.

У Москвы нет иллюзий по поводу «союзнического поведения» Анкары (например, на основании её принадлежности к «Астанинской тройке»), но существующий формат взаимодействия позволяет поддерживать баланс взаимных интересов в ключевых для двух стран кризисах последних пяти лет: в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе. Последний стал особенно сложным экзаменом на искусство использования стратегии и принятия решений в комплексных ситуациях. Принятие нового статуса-кво между Арменией и Азербайджаном с участием Турции в качестве наблюдателя при лидирующей роли России, которая выражается в военном присутствии и предоставлении политических гарантий, стало показателем того, что в современном мире успех урегулирования сложных кризисов по-прежнему в большей мере связан с выработкой стратегических решений в классическом стиле при непосредственном индивидуальном лидерстве, а не с помощью технологий.

* * *

Современные технологии создают возможности, за которыми не поспевают стратегии и доктрины. Когда индивидуальные субъекты с сомнительной аффилированностью всё сильнее, притом эффективно, вмешиваются в дела государства, сама ка-

тегория «государственного авторитета» оказывается под вопросом.

Технологии коренным образом изменили взаимодействие человека с информацией. Запоминание уступило место занесению в базу данных, а воспоминание — отбору наиболее релевантной информации. Получение и хранение информации благодаря компьютерам не является ограничивающим фактором. Вместе с тем технологии носят комплементарный характер для принятия решений человеком: они способствуют повышению эффективности работы с информацией, выявлению несоответствий и распределению задач, но человек по-прежнему опережает компьютерные технологии в таких аспектах, как приоритизация действия в необычных или непредсказуемых ситуациях, учёт внешней среды и контекста.

Во внешнеполитической сфере формирование технологической среды не отменяет требований к способности элит правильно формировать стратегии исходя из подлинных, а не мнимых потребностей развития. Аналогичным образом технологии не могут заместить сложившейся стратегической культуры, которая представляет собой продукт накопленного политического опыта. Европейские страны с большим опытом применения силы и ведения переговоров, как правило, действуют искуснее, чем страны с неопытной элитой, которая пускается во внешнеполитические эксперименты. Продолжающийся два последних десятилетия кризис стратегического мышления подтолкнул большинство западных элит к проведению политики — и объяснению её провалов — с позиций «технологического хайпа». В известном смысле это ведёт к расфокусировке и зачастую препятствует странам, даже богатым и состоятельным, достигать своих целей.

Способность к внутренней мобилизации и концентрации на ключевых задачах, лидерство и эмпатия как способность построить конструктивную политику с учётом интересов всех вовлечённых сторон — только такая стратегия принятия внешнеполитических решений устоит в долгосрочной перспективе.

Список литературы

- Данилин И.В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(1). С. 100–116.
- Дегтерёв Д.А. Компьютерное моделирование международных отношений // Международные процессы. 2011. Т. 9. №. 3. С. 53–66.
- Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2019. 296 с.
- Мельникова О.А. Основные задачи информационного обеспечения внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО Университета. 2015. №. 2 (41). С. 93–100.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений: традиции и современность / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. 400 с.
- Allison G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // American Political Science Review, 63, 1969. P. 689–718.
- Allison G., Zelikow P. Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis. Boston: Little, Brown, 1971. 338 p.
- Astorino-Courtois A., Trusty B. Degrees of Difficulty: The Effect of Israeli Policy Shifts on Syrian Peace Decisions. // Journal of Conflict Resolution, 44, 2000. P. 359–377.
- Bendor J., Hammond T.H. Rethinking Allison's Models // American Political Science Review, 86, 1992. P. 301–322.
- Berejikian J.D. A Cognitive Theory of Deterrence // Journal of Peace Research, 39(2), 2002. P. 165–183.
- Brodie B. (ed.). The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New York: Harcourt, Brace and Company, 1946. 214 p.
- Brulé D., Mintz A. Blank Check or Marching Orders? Public Opinion and Presidential Use of Force in the United States // H. Starr (ed.) Approaches, Levels and Methods of Analysis in International Politics: Crossing Boundaries. New York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 157–172.
- Bueno de Mesquita B. An Expected Utility Theory of International Conflict // The American Political Science Review, 74(4), 1980. P. 917–931.
- Bueno de Mesquita B. The War Trap. New Haven: Yale University Press, 1981. 223 p.
- Carlsnaes W. et al. Handbook of International Relations. SAGE, 2012. 904 p.
- Carmines E.G., Stimson J.A. The Two Faces of Issue Voting // American Political Science Review, 74, 1980. P. 78–91.
- Christensen E., Redd S. Bureaucrats vs. the Ballot Box in Foreign Policy Decision Making: An Experimental Analysis of the Bureaucratic Politics Model and the Poliheuristic Theory // Journal of Conflict Resolution, 48, 2004. P. 69–90.
- Cobb M.D., Kuklinski J.H. Changing Minds: Political Arguments and Political Persuasion // American Journal of Political Science, 41, 1997. P. 88–121.
- Craig A., Valeriano B. Conceptualising Cyber Arms Races. IEEE Proceedings for CCDCOE CyberCon, 8th International Conference on Cyber Conflict: Cyber Power, 2016. P. 141–158.
- Cummings M.L., Roff H.M., Cukier K., Parakilas J., Bryce H. Artificial Intelligence and International Affairs: Disruption Anticipated. Chatham House Report, 2018. 50 p.
- Cyert R.M., March J.G. A Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 332 p.
- D'Ancone M. Post truth. The new war on truth and how to fight back. London: Ebury Press, 2017. 320 p.
- DeRouen K., Sprecher C. Initial Crisis Reaction and Poliheuristic Theory // Journal of Conflict Resolution, 48, 2004. P. 56–68.
- Drezner D. Technological change and international relations // International Relations, 33 (2), 2019. P. 286–303.
- Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham Publishing, 1971. 188 p.
- Eriksson J., Giacomello G. International Relations and Security in the Digital Age. Routledge, 2007. 230 p.
- Eriksson J., Newlove-Eriksson L. Theorizing Technology in International Relations: Prevailing Perspectives and New Horizons. In: Giacomello G. (ed). Technology and International Relations: The New Horizon in Global Power. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 1–21.
- Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: Insights from Prospect Theory // Political Psychology, 13, 1992. P. 205–235.
- Fearon J.D. Rationalist Explanations for War. International Organization, 49, 1995. P. 379–414.
- Feldman M.S. Order without Design: Information Production and Policy Making. Stanford: Stanford University Press, 1989. 216 p.

- Fritsch S.* Conceptualizing the ambivalent role of technology in international relations: Between systemic change and continuity. *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 1. Springer, Berlin, Heidelberg, 2014. P. 115–138.
- Fukuyama F.* *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 658 p.
- Fukuyama F.* *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992. 418 p.
- Gilardi F. et al.* *Handbook of International Relations*. SAGE Publications, 2012. 904 p.
- Halperin M.* *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, DC: Brookings Institution, 1974. 400 p.
- Hilsman R.* *To Move a Nation*. New York: Doubleday, 1967. 425 p.
- Hojtink, M., & Leese, M. (eds.).* *Technology and agency in international relations*. Routledge, 2019. 222 p.
- Hudson V.M.* *Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of international Relations // Foreign Policy Analysis*, 1(1), 2005. P. 1–30.
- Huntington S.P.* Strategic Planning and the Political Process // *Foreign Affairs*, 38, 1960. P. 285–299.
- Hurwitz J., Manne G.A.* Classical Liberalism and the Problem of Technological Change. ICLE Innovation & the New Economy Research Program, White Paper 1, 2018. 50 p.
- Jervis R.* Deterrence Theory Revisited // *World Politics*, 31(2), 1979. P. 289–324.
- Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. Farra, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
- Kahneman D. et al.* The endowment effect, loss aversion, and status quo bias // *Journal of Economic Perspectives*, 5, 1991. P. 193–206.
- Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*, 47, 1979. P. 263–291.
- Kaplan M.* *System and Process in International Relations*. Huntington, NY: Krieger, 1957. 283 p.
- Kim W., Bueno de Mesquita B.* How Perceptions Influence the Risk of War // *International Studies Quarterly*, 39, 1995. P. 51–65.
- Kissinger H.* *World Order*. Penguin, 2014. 432 p.
- Levy J.S.* Prospect theory and the cognitive-rational debate. In: *Decision making on war and peace: The cognitive-rational debate*. Lynne Rienner Publishers, 1997. P. 33–50.
- Levy J.S.* An Introduction to Prospect Theory // *Political Psychology*, 13, 1992. P. 171–186.
- Lewandowsky S. et al.* Beyond misinformation: Understanding and coping with the “Post-Truth” era // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(4), 2017. P. 353–369.
- Lindblom C.E.* The Science of “Muddling Through” // *Public Administration Review*, 19, 1959. P. 79–88.
- Losev A.* Countercyclical Policies // *Russia in Global Affairs*, 14 (3), 2016. P. 70–78.
- Maoz Z.* *National Choices and International Processes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 609 p.
- March J.G., Simon H.A.* *Organizations*. New York: John Wiley, 1958. 262 p.
- McCarthy D.* Power, information technology, and international relations theory. *Palgrave Studies in International Relations*, 2015. 220 p.
- McDermott R.* Prospect Theory in International Relations: The Iranian Hostage Rescue Mission // *Political Psychology*, 13, 1992. P. 237–263.
- McIntire L.* *The post-truth*. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 240 p.
- Mintz A., Redd S.* Framing Effects in International Relations // *Synthese*, 135, 2003. P. 193–213.
- Mintz A. et al.* The Effect of Dynamic and Static Choice Sets on Political Decision Making: An Analysis Using the Decision Board Platform // *American Political Science Review*, 91, 1997. P. 553–566.
- Mintz A.* Are Leaders Susceptible to Negative Political Advice? An Experimental Study of High-Ranking Military Officers // *Mintz A. and Russett B.M. (eds.) New Directions for International Relations: Confronting the Method of Analysis Problem*. Lahman, MD: Lexington, 2005. P. 223–238.
- Mintz A.* The Decision to Attack Iraq: A Noncompensatory Theory of Decision Making // *Journal of Conflict Resolution*, 37(4), 1993. P. 595–618.
- Mintz A., DeRouen K.* *Understanding Foreign Policy Decision Making*. New York, NY: Cambridge University Press, 2010. 208 p.
- Mintz A., Geva N.* The Poliheuristic Theory of Foreign Policy Decisionmaking. In: Geva N., Mintz A. (ed.). *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1997. P. 81–101.
- Monroe K.R.* The Theory of Rational Action: What Is It? How Useful Is It for Political Science? // *Crotty W.J. (ed.) Political Science: Looking to the Future*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1991. P. 75–89.
- Morgenthau H.J.* *Science: servant or master?* New York: Meridian Books, 1972. 155 p.

- Morrow J. The Ongoing Game-Theoretic Revolution // *Midlarsky M.I.* (ed.) *Handbook of War Studies II*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 164–192.
- Nye J.S., Jr. Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization. London: Routledge, 2004. 240 p.
- Nye J.S., Jr. Soft Power // *Foreign Policy*, 80, 1990. P. 153–171.
- Ostrom Ch.W., Job B.L. The President and the Political Use of Force // *The American Political Science Review*, 80(2), 1986. P. 541–566.
- Payne J.W. et al. *The Adaptive Decision Maker*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. 307 p.
- Preliminary Study on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO COMEST. 26 February, 2019. P. 13–14. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823>
- Redd S. The Influence of Advisers and Decision Strategies on Foreign Policy Choices: President Clinton's Decision to Use Force in Kosovo // *International Studies Perspectives*, 6, 2005. P. 129–150.
- Redd S. The Influence of Advisers on Foreign Policy Decision Making: An Experimental Study // *Journal of Conflict Resolution*, 46, 2002. P. 335–364.
- Reus-Smit Ch., Snidal D. *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford University Press, 2008. 772 p.
- Robinson J.A., Snyder R.C. Decision-making in international politics // *Kelman H.C.* (ed.) *International Political Behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1965. P. 435–463.
- Rosenau J.N. Pre-theories and Theories of Foreign Policy // *Farrell R.B.* (ed.) *Approaches to Comparative and International Politics*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1966. P. 115–169.
- Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton University Press, 1990. P. 480.
- Savage L.J. *The Foundations of Statistics*. N.Y., 1954. 294 p.
- Schelling T. *The Strategy of Conflict*. London: Oxford University Press, 1960. 328 p.
- Scheuerman W.E. Realism and the critique of technology // *Cambridge Review of International Affairs*, 22(4), 2009. P. 563–584.
- Simon H. (ed.) *Models of Man*. New York: John Wiley, 1957. 287 p.
- Snyder R.C. et al. *Foreign Policy Decision-Making (Revisited)*. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 186 p.
- Solomon T. The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses // *Political Science*, 2015. 246 p.
- Stein J.G., Welch D.A. Rational and Psychological Approaches to the Study of International Conflict: Comparative Strengths and Weaknesses // *Geva N., Mintz A.* (ed.) *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1997. P. 51–77.
- Steinbruner J.D. *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974/2002. 323 p.
- Surratt C.G. *The Internet and Social Change*. McFarland, 2017. 239 p.
- Susskind J. *Future Politics: Living Together in a World Transformed by Tech*. Oxford University Press, 2018. 516 p.
- Verba S. Assumptions of Rationality and Non-Rationality in Models of the International System // *World Politics*, 14(1), 1961. P. 93–117.
- Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton: Princeton University Press, 1944. 625 p.
- Welch D.A. The Organizational Process and Bureaucratic Politics Paradigms: Retrospect and Prospect // *International Security*, 17(2), 1992. P. 112–146.
- Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1999. 452 p.
- Whyte G., Levi A.S. The Origins and Function of the Reference Point in Risky Group Decision Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Journal of Behavioral Decision Making*, 7, 1994. P. 243–260.
- Wilson W. The Study of Administration // *Political Science Quarterly*, 2(2), 1887. P. 197–222.
- Wittman D. How a War Ends: A Rational Model Approach // *Journal of Conflict Resolution*, 23, 1979. P. 743–763.
- Zagare C.F. Rational Choice Models and International Relations Research // *International Interactions*, 15(3–4), 1990. P. 197–201.
- Zey M. *Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models*. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. 454 p.

LEADERSHIP AND FOREIGN POLICY DECISION-MAKING IN THE NEXT INNOVATION WAVE

MAKSIM SUCHKOV

OLGA REBRO

ANDREY SUSHENTSOV

ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

The evolution of digital technologies rooted in the transformation of the world into a holistic quantifiable system brings about foundational shifts in how an individuals interact with information. Current technological progress is cyclical in nature: emerging capabilities create different environment with new threats that prompt further search for technological solutions to address them, and occurs \on two interwoven tracks: the increasing sophistication of the information system itself (better ways to collect, store and analyze data) and better means of human interaction with it (search engines, faster connection, more seamless interface with devices). Similar in scope to the spread of printed books, the digital transformation is still at its nascency: the “printing press” has been invented, but the humanity is yet to perfect it and experience the full array of social and political changes it is bound to incur.

This article is an attempt to peek into such “digital future”. Taking stock of the observable trends it charts the course of major shifts in approaches to foreign policy and maps out possible impediments for effective leadership in the new era.

The conceptualization of the transformations is picking up speed, yet main IR schools tackling dispersed aspects, such as the impact of digital technologies on the balance of power (realism), on the nature of government and international environment (liberalism) and on the interpretation of the emerging processes (constructivism), do not offer a comprehensive approach. At the same time despite the growing analyzability and, hence, rationality of the world the studies of the decision-making process still struggle to account for the “human nature” of state leadership.

The futility of the attempts to measure irrationality underlines the core argument of the article – with the overall trend for deeper convergence between an information system and a human the emerging digital future will be determined by individuals, who will remain the ultimate stewards of international relations. As a result, the efficiency of leadership, including smart utilization of technological advances, will depend on the quality of “human capital” of elites.

On the one hand, accessibility of information, faster data travel and the absence of physical boundaries in the digital space enhance analytical abilities of individuals and improve the quality of decision-making. On the other hand, the increasing effortlessness of retrieving, storing and disseminating information results in the shift of perspective: laborious process of developing a solution is substituted by search for the most acceptable alternative, solving a crisis is replaced with manipulating the perception of it, and the quality of decisions is judged not by long-term consequences but by immediate movements in opinion polls.

Keywords:

technology, innovation wave, theory of international relations, foreign policy, decision-making process, rationality in decision-making, leadership, post-truth, political symbols.

References

- Allison G. (1969). Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis. *American Political Science Review*, 63: 689–718.
- Allison G., Zelikow P. (1971). *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. Vol. 327. No. 729.1. Boston: Little, Brown.
- Astorino-Courtois A., Trusty B. (2000). Degrees of Difficulty: The Effect of Israeli Policy Shifts on Syrian Peace Decisions. *Journal of Conflict Resolution*, 44: 359–377.
- Bendor J., Hammond T.H. (1992). Rethinking Allison's Models. *American Political Science Review*, 86: 301–322.
- Berejikian J.D. (2002). A Cognitive Theory of Deterrence. *Journal of Peace Research*, 39(2): 165–183.
- Brodie B. (ed.). (1946). *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. New York: Harcourt, Brace and Company. 214 p.
- Brulé D., Mintz A. (2006). Blank Check or Marching Orders? Public Opinion and Presidential Use of Force in the United States. In H. Starr (ed.) *Approaches, Levels and Methods of Analysis in International Politics: Crossing Boundaries*. New York: Palgrave Macmillan: 157–172.
- Bueno de Mesquita B. (1980). An Expected Utility Theory of International Conflict. *The American Political Science Review*, 74(4): 917–931.
- Bueno de Mesquita B. (1981). *The War Trap*. New Haven: Yale University Press. 223 p.
- Carlsnaes W. et al. (2012). *Handbook of International Relations*. SAGE. 904 p.
- Carmines E.G., Stimson J.A. (1980). The Two Faces of Issue Voting. *American Political Science Review*, 74: 78–91.
- Christensen E., Redd S. (2004). Bureaucrats vs. the Ballot Box in Foreign Policy Decision Making: An Experimental Analysis of the Bureaucratic Politics Model and the Poliheuristic Theory. *Journal of Conflict Resolution* 48: 69–90.
- Cobb M.D., Kuklinski J.H. (1997). Changing Minds: Political Arguments and Political Persuasion. *American Journal of Political Science*, 41: 88–121.
- Craig A., Valeriano B. (2016). *Conceptualising Cyber Arms Races*. IEEE Proceedings for CCDCOE CyberCon, 8th International Conference on Cyber Conflict: Cyber Power: 141–158.
- Cummings M.L., Roff H.M., Cukier K., Parakilas J., Bryce H. (2018). *Artificial Intelligence and International Affairs: Disruption Anticipated*. Chatham House Report. 50 p.
- Cyert R.M., March J.G. (1963). *A Behavioral Theory of the Firm*. Englewood Cliffs: Prentice Hall. 332 p.
- D'Ancone M. (2017). *Post truth. The new war on truth and how to fight back*. London: Ebury Press. 320 p.
- Danilin I.V. (2020). Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologii na liderstvo v globalnykh protsessakh: ot platform k rynkam? [The Impact of Digital Technology on Leadership in Global Trends: From a Platform to Markets?] *Vestnik MGIMO*, 13(1): 100–116.
- Degtarev D.A. (2011). Kompyuternoye modelirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii [Computer Modelling of International Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. №. 3: 53–66.
- DeRouen K., Sprecher C. (2004). Initial Crisis Reaction and Poliheuristic Theory. *Journal of Conflict Resolution*, 48: 56–68.
- Drezner D. (2019) Technological change and international relations. *International Relations*, 33 (2). P. 286–303.
- Edelman M. (1971). *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham Publishing. 188 p.
- Eriksson J., Giacomello G. (2007). *International Relations and Security in the Digital Age*. Routledge. 230 p.
- Eriksson J., Newlove-Eriksson L. (2021) Theorizing Technology in International Relations: Prevailing Perspectives and New Horizons. In: Giacomello G. (ed). *Technology and International Relations: The New Horizon in Global Power*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 1–21.
- Farnham B. (1992). Roosevelt and the Munich Crisis: Insights from Prospect Theory. *Political Psychology*, 13: 205–235.
- Fearon J.D. (1995). Rationalist Explanations for War. *International Organization*, 49: 379–414.
- Feldman M.S. (1989). *Order without Design: Information Production and Policy Making*. Stanford: Stanford University Press. 216 p.
- Fritsch S. (2014). Conceptualizing the ambivalent role of technology in international relations: Between systemic change and continuity. *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 1. Springer, Berlin, Heidelberg: 115–138.
- Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*. Free Press. 418 p.

- Fukuyama F. (2014). *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 658 p.
- Gilardi F. et al. (2012). *Handbook of International Relations*. SAGE Publications. 904 p.
- Halperin M. (1974). *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, DC: Brookings Institution. 400 p.
- Hilsman R. (1967). *To Move a Nation*. New York: Doubleday. 425 p.
- Hojtink, M., Leese, M. (eds.) (2019). *Technology and agency in international relations*. Routledge. 222 p.
- Hudson V.M. (2005). Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of international Relations. *Foreign Policy Analysis*, 1(1): 1–30.
- Huntington S.P. (1960). Strategic Planning and the Political Process. *Foreign Affairs*, 38: 285–299.
- Hurwitz J., Manne G.A. (2018). *Classical Liberalism and the Problem of Technological Change*. ICLE Innovation & the New Economy Research Program, White Paper 1. 50 p.
- Istomin I.A. (2019). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The Logic of State Conduct in International Politics]. M.: Aspect Press. 296 p.
- Jervis R. (1979). Deterrence Theory Revisited. *World Politics*, 31(2): 289–324.
- Kahneman D. et al. (1991). The endowment effect, loss aversion, and status quo bias. *Journal of Economic Perspectives*, 5: 193–206.
- Kahneman D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. Farrar, Straus and Giroux, 499 p.
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, 47: 263–291.
- Kaplan M. (1957). *System and Process in International Relations*. Huntington, NY: Krieger. 283 p.
- Kim W., Bueno de Mesquita B. (1995). How Perceptions Influence the Risk of War. *International Studies Quarterly*, 39: 51–65.
- Kissinger H. (2014). *World Order*. Penguin. 432 p.
- Levy J.S. (1997). Prospect theory and the cognitive-rational debate. In: *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Lynne Rienner Publishers: 33–50.
- Levy J.S. (1992). An Introduction to Prospect Theory. *Political Psychology*, 13: 171–186.
- Lewandowsky S. et al. (2017). Beyond misinformation: Understanding and coping with the “Post-Truth” era. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(4): 353–369.
- Lindblom C.E. (1959). The Science of “Muddling Through”. *Public Administration Review*, 19: 79–88.
- Losev A. (2016). Countercyclical Policies. *Russia in Global Affairs*, 14 (3): 70–78.
- Maoz Z. (1990). *National Choices and International Processes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- March J.G., Simon H.A. (1958). *Organizations*. New York: John Wiley. 262 p.
- McCarthy D. (2015). *Power, information technology, and international relations theory*. Palgrave Studies in International Relations, 220 p.
- McDermott R. (1992). Prospect Theory in International Relations: The Iranian Hostage Rescue Mission. *Political Psychology*, 13: 237–263.
- McIntire L. (2018). *The post-truth*. Cambridge, MA: MIT Press. 240 p.
- Melnikova O.A. (2015). Osnovnyye zadachi informatsionnogo obespecheniya vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti [The Main Goals of Information Service in Foreign Policy-Making]. *Vestnik MGIMO*. 2(41): 93–100.
- Mintz A., Redd S. (2003). Framing Effects in International Relations. *Synthese*, 135: 193–213.
- Mintz A. et al. (1997). The Effect of Dynamic and Static Choice Sets on Political Decision Making: An Analysis Using the Decision Board Platform. *American Political Science Review*, 91: 553–566.
- Mintz A. (1993). The Decision to Attack Iraq: A Noncompensatory Theory of Decision Making. *Journal of Conflict Resolution*, 37(4): 595–618.
- Mintz A. (2005). Are Leaders Susceptible to Negative Political Advice? An Experimental Study of High-Ranking Military Officers. In: Mintz A. and Russett B.M. (eds.) *New Directions for International Relations: Confronting the Method of Analysis Problem*. Lahman, MD: Lexington: 223–238.
- Mintz A., DeRouen K. (2010). *Understanding Foreign Policy Decision Making*. New York, NY: Cambridge University Press. 208 p.
- Mintz A., Geva N. (1997). The Poliheuristic Theory of Foreign Policy Decisionmaking. In: Geva N., Mintz A. (eds.) *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner: 81–101.
- Monroe K.R. (1991). The Theory of Rational Action: What Is It? How Useful Is It for Political Science? In: Crotty W.J. (ed.) *Political Science: Looking to the Future*. Evanston, IL: Northwestern University Press: 75–89.
- Morgenthau H. J. (1972). *Science: servant or master?* New York: Meridian Books. 155 p.
- Morrow J. (2000). The Ongoing Game-Theoretic Revolution. In: Midlarsky M.I. (ed.) *Handbook of War Studies II*. Ann Arbor: University of Michigan Press: 164–192.

- National Research Council (2014). *Complex Operational Decision Making in Networked Systems of Humans and Machines: A Multidisciplinary Approach*. Washington, DC: The National Academies Press.
- Nye J.S., Jr. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, 80: 153–171.
- Nye J.S., Jr. (2004). *Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization*. London: Routledge. 240 p.
- Ostrom Ch.W., Job B.L. (1986). *The President and the Political Use of Force*. The American Political Science Review, 80(2): 541–566.
- Payne J.W. et al. (1993). *The Adaptive Decision Maker*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 307 p.
- Preliminary Study on the Ethics of Artificial Intelligence*. (2019). UNESCO COMEST. 26 February. 33 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823>
- Redd S. (2005). The Influence of Advisers and Decision Strategies on Foreign Policy Choices: President Clinton's Decision to Use Force in Kosovo. *International Studies Perspectives*, 6: 129–150.
- Redd S. (2002). The Influence of Advisers on Foreign Policy Decision Making: An Experimental Study. *Journal of Conflict Resolution*, 46: 335–364.
- Reus-Smit Ch., Snidal D. (2008). *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford University Press. 772 p.
- Robinson J.A., Snyder R.C. (1965). Decision-making in international politics. In: Kelman H.C. (ed.) *International Political Behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston: 435–463.
- Rosenau J.N. (1966). Pre-theories and Theories of Foreign Policy. In: Farrell R.B. (ed.) *Approaches to Comparative and International Politics*. Evanston, IL: Northwestern University Press: 115–169.
- Rosenau J.N. (1990). *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton University Press. 480 p.
- Savage L.J. (1954). *The Foundations of Statistics*. N.Y. 294 p.
- Schelling T. (1960). *The Strategy of Conflict*. London: Oxford University Press. 328 p.
- Scheuerman W.E. (2009). *Realism and the critique of technology*. Cambridge Review of International Affairs, 22(4): 563–584.
- Simon H. (ed.) (1957). *Models of Man*. New York: John Wiley. 287 p.
- Snyder R.C. et al. (2002). *Foreign Policy Decision-Making (Revisited)*. New York: Palgrave Macmillan, 186 p.
- Solomon T. (2015). *The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses*. Political Science. 246 p.
- Stein J.G., Welch D.A. (1997). Rational and Psychological Approaches to the Study of International Conflict: Comparative Strengths and Weaknesses. In: Geva N., Mintz A. (ed.) *Decisionmaking on war and peace: The cognitive-rational debate*. Boulder, CO: Lynne Rienner: 51–77.
- Steinbruner J.D. (1974/2002). *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 332 p.
- Surratt C.G. (2017). *The Internet and Social Change*. McFarland. 239 p.
- Susskind J. (2018). *Future Politics: Living Together in a World Transformed by Tech*. Oxford University Press. 516 p.
- Tsygankov P.A. (2002). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: traditsii i sovremennost [Theory of International Relations: Traditions and Modern State]. Moscow: Gardariki. 400 p.
- Verba S. (1961). Assumptions of Rationality and Non-Rationality in Models of the International System. *World Politics*, 14(1): 93–117.
- Von Neumann J., Morgenstern O. (1944). *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton: Princeton University Press. 625 p.
- Welch D.A. (1992). The Organizational Process and Bureaucratic Politics Paradigms: Retrospect and Prospect. *International Security*, 17(2): 112–146.
- Wendt A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 452 p.
- Whyte G., Levi A.S. (1994). The Origins and Function of the Reference Point in Risky Group Decision Making: The Case of the Cuban Missile Crisis. *Journal of Behavioral Decision Making*, 7: 243–260.
- Wilson W. (1887). The Study of Administration. *Political Science Quarterly*, 2(2): 197–222.
- Wittman D. (1979). How a War Ends: A Rational Model Approach. *Journal of Conflict Resolution*, 23: 743–763.
- Zagare C.F. (1990). Rational Choice Models and International Relations Research. *International Interactions*, 15(3-4): 197–201.
- Zey M. (1992). *Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models*. Newbury Park, CA: Sage Publications. 454 p.